

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'37

Захарова Юлия Георгиевна

Тихоокеанский государственный университет,
Россия, 680000, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68
009687@pnu.edu.ru

Эпистолярное наследие русских писателей как источник изучения неологии второй половины XIX в.

Для цитирования: Захарова Ю.Г. Эпистолярное наследие русских писателей как источник изучения неологии второй половины XIX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (4): 713–735. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.405>

В статье анализируются эволюционные процессы в русском языке второй половины XIX в. на материале писем И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, А. П. Чехова. Рассматриваются признаки, с помощью которых определяется неологический статус лексемы, особое внимание уделяется при этом метаязыковой рефлексии, служащей важным источником информации о новом слове: времени его вхождения в лексическую систему, степени освоенности в русском языке, изменениях в семантической структуре и др. В работе используется широкий подход к пониманию термина «неология»: в состав неологизмов включаются как языковые, так и речевые единицы — русские лексические неологизмы, потенциальная, окказиональная, заимствованная лексика, семантические дериваты. Уточняется содержание термина «потенциальные слова» по отношению к диахронии: главными их свойствами являются способность к элиминированию лакун в лексике, номинативная функция, соответствие языковым словообразовательным типам и узуальный характер мотивационных связей. Делается вывод о том, что при определении окказионального статуса лексемы необходимо учитывать не только нарушение законов словообразования, но и невыводимость значения из словообразовательной модели. Важной особенностью ряда окказионализмов исследуемого периода является отражение в них общеязыковых тенденций. Заимствованная лексика рассматривается в аспекте фонетической, графической, морфологической, словообразовательной и семантической адаптации в русском языке. Анализируются разные типы семантических деривационных процессов в русской и иноязычной лексике: тропеический (метафорический или ассоциативный перенос, в том числе семантическое калькирование), гиперо-гипонимический, девиационный, коннотативный (изменение оценочности).

Ключевые слова: русский язык XIX в., неология, потенциальное слово, семантическая деривация, эпистолярный текст.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Введение

В Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) создается Словарь русского языка XIX в. Составители определяют его как словарь, обращенный к плану диахронии, поскольку предметом описания в нем должна стать эволюция лексико-семантической системы русского языка XIX в. Словарь отражит те многообразные изменения, которые переживал русский язык: появление новых слов и значений, адаптацию заимствований, перемены в стилистических характеристиках слов, устаревание лексем и др. [Проект 2002].

Новаторство подхода к составлению словаря заключается не только в том, что в центре внимания ученых — языковая динамика, но и в том, что наряду с узуальными фактами объектом фиксации становятся окказиональные образования и потенциальные слова, отвечающие критериям системности, наличия словообразовательного потенциала, востребованности и др. [Калиновская, Старовойтова 2016: 39].

Столь широкий охват материала соответствует современной тенденции к снятию жесткого противопоставления узуального и окказионального в теории неологии [Касьянова 2008: 56]. Во второй половине XIX в. употребление некоторых слов было ограничено рамками отдельных групп, кружков, но со временем могло выходить за пределы жаргона; часть лексем имела индивидуально-авторский характер и вместе с тем соответствовала законам словообразовательной системы, а ее приращение объяснялось отсутствием соответствующих слов в литературном языке; ряд неолексем и неосемем неuzuального характера отражал тенденции развития лексико-семантической системы русского языка и в какой-то степени определял их — все это не позволяет при рассмотрении неологии XIX в. ограничиться только фактами языка.

Эпистолярные источники содержат ценный лингвистический материал. В переписке находили отражение изменения в социально-политической, экономической, культурной жизни России и других европейских стран, поэтому письма — зеркало эволюции языка и речи: по ним можно проследить вхождение новых единиц в лексическую систему (русских и заимствованных), семантические деривационные процессы, изменение стилистической окраски слов, возникновение потенциальных лексем и окказионализмов и др.

Письма русских литераторов использовались для анализа иноязычной (Е. А. Проценко, В. М. Блинохватова), потенциальной и окказиональной (В. М. Грязнова, Ю. В. Архангельская) лексики в русском языке XIX в.; эволюционных процессов в семантической структуре слова (М. Н. Приемышева, В. Н. Калиновская, С. А. Эзерина); в жанрово-стилистическом (Л. А. Глинкина, Л. В. Доровских, Е. Р. Сасимович, И. А. Лешутина, А. А. Скоропадская, Е. В. Вишнякова, Е. Н. Бекасова); лексикографическом (И. В. Ружицкий, Н. А. Ребецкая) отношении; в аспекте теории номинации (С. С. Гусева); коммуникативной личности автора (А. С. Куркина, Т. Г. Гарусина) и др.

Крупные исследования, посвященные неологии русского языка XIX в., базировались в основном на материале критики, публицистики [Сорокин 1965] и словарей [Барышников 2010]. Письма русских писателей — важный и малоизученный в этом отношении источник.

В качестве материала для статьи были использованы письма Тургенева, Достоевского, Лескова, Чехова, которые относятся ко второй половине XIX в. и охватывают все пять десятилетий¹. В общей сложности рассмотрено 7219 писем на русском языке, опубликованных в 29 томах. Картотека неологизмов состоит из 284 единиц.

Письма послужили отправной точкой исследования, но для объективного анализа необходим широкий историко-культурный контекст — привлечение художественных, публицистических, критических и других произведений. Сравнительный анализ писем и других источников позволяет реконструировать эволюционные процессы в лексико-семантической системе русского языка второй половины XIX в.

Неологический статус лексемы (значения) в русском языке второй половины XIX в.

При определении неологического статуса лексемы или семантического деривата в современной лингвистике учитываются следующие факторы [Касьянова 2009: 8]:

- **хронологический**. Новизну слова или значения в рассматриваемый период прежде всего позволяет определить отсутствие его в эпистолярных, литературных, публицистических и прочих источниках на определенном временном срезе и дальнейшее появление с нарастанием частоты употребления. Для установления времени появления слова (значения) в языке использовался материал авторской картотеки, Национального корпуса русского языка, Словаря русского языка XVIII в., энциклопедических, толковых словарей XIX в., лингвистических исследований и других источников;
- **локальный**, состоящий в определении сферы функционирования неологизма в системе языка. Письма позволяют увидеть процесс детерминологизации ряда слов, расширения сферы их употребления, выхода лексем за пределы профессионального жаргона и др.;
- **социолингвистический**, связанный с социальной детерминированностью появления нового слова. Активное развитие общественно-политической, экономической, научной сфер деятельности в России второй половины XIX в. получало отражение в неологии;
- **функциональный**, учитывающий денотативную отнесенность нового слова, появившегося для обозначения новой реалии;
- **статистический**, предполагающий учет частотности употребления неологизма для определения того, вошел он в язык или был свойствен только речи, имел окказиональный характер или употреблялся какой-то группой;
- **лексикографический**, основанный на учете наличия/отсутствия фиксации слова в лексикографических источниках изучаемого периода. Этот критерий по отношению к русскому языку второй половины XIX в. часто оказывается одним из самых уязвимых, поскольку лексикографическая практика отста-

¹ В работе использованы письма, опубликованные издательством «Наука» в 30-томных полных собраниях сочинений и писем Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, а также Государственным издательством художественной литературы в 11-томном собрании сочинений Н. С. Лескова (см. Источники).

вала от реальной языковой ситуации порой на несколько десятилетий, что особенно заметно в классе отвлеченной лексики.

На наш взгляд, важным критерием, позволяющим судить о новизне слова или значения, является **наличие метаязыковой рефлексии**, под которой понимается деятельность сознания, направленная на осмысление фактов языка и речи, а также результат такой деятельности — рефлексивы, т. е. метаязыковые контексты, в которых носитель языка дает оценку этим фактам.

Бесспорно, что писатели в высокой степени наделены языковой рефлексией, ее проявление представляет большую ценность и может использоваться в нормализации языка. Неологизмы эпохи неоднократно становятся в письмах объектом метаязыковой рефлексии: отмечается новизна слов, их соответствие/несоответствие языковой системе, поясняется семантика, осмысливается сфера употребления, иноязычное происхождение, возможность или невозможность адекватной замены русским словом, коннотативная окраска и др. Таким образом, метаязыковая рефлексия, с одной стороны, — показатель новизны слова (значения), а с другой — важный источник информации о неологизме.

В качестве показателей метаязыковой рефлексии в письмах выступают метаоператоры — невербальные (графические) и вербальные маркеры метаязыка [Захарова 2017]. К графическим относятся кавычки, скобки и подчеркивание слов. Они могут сочетаться с вербальными метаоператорами — метаязыковыми терминами, называющими языки, речевые единицы или процессы (*русский язык, слово, фраза, галлицизм, так называемый, выражаться, сказать, величать*), вводными конструкциями, авторскими глоссами (выраженными вставными или пояснительными конструкциями), метаязыковыми комментариями, вопросительными предложениями.

В некоторых письмах есть прямое указание на то, что автор слышит слово впервые: «Он пишет: “Все лучшие интеллигенты приветствуют переход Ваш от пантеизма к антропоцентризму”. **Что значит антропоцентризм? Отродясь не слышал такого слова**» (А. С. Суворину, 1893)³ (Чехов. Т. 5. С. 164).

Необходимость толкования значения слова свидетельствует о его новизне в большинстве случаев. Это касается как иноязычных, так и созданных в русском языке лексем.

Чехов, путешествуя за границей, в письме 1894 г. раскрывает значение существительного *крематорий* (франц. *crématorium*, нем. *Krematorium*), которое в конце XIX в. начинало употребляться в русском языке в форме женского рода: «Затем Милан. Здесь я осматривал **так называемую крематорию, где сожигают покойников, и собор**» (Н. М. Линтваревой, 1894) (Чехов. Т. 5. С. 322).

Достоевский употребил в одном из писем образованный от французского прилагательного *recommandé* (‘заказной’) глагол *рекомендовать*. Поскольку адресат не понял его значения, писателю пришлось объяснить: «Если я Вам и писал, чтобы просто вложить 25 р. в письмо, так это потому, что здесь наши деньги легко меняются. Но все-таки я Вам приписал в письме: **рекомендуйте, т. е. застрахуйте**»

² Здесь и далее в примерах из писем рефлексивы выделены полужирным шрифтом.

³ Чехов А. П. *Письма*. Цит. по: [Чехов 1974–1980]. (Далее — Чехов.)

(А. Н. Майкову, 1868)⁴ (Достоевский. Т. 28, ч. 2. С. 295). В словарях XIX в. этот глагол не фиксируется, приводится только словосочетание *рекомендованное письмо*.

Лесков поясняет значение слова *зализанность*, которое появилось в 1860-х гг. и первоначально было свойственно только жаргону художников: «Все так писано — не нынешним живым языком. <...> Просто Вам это не нравится, а другой язык (вроде «Кавказского пленника» Толстого) был бы неуместен. “**Зализанность**”, **то есть большая или излишняя тщательность в выделке**, есть, но ее, думается, можно снести, так как это нынче встречается очень редко» (А. С. Суворину, 1887 г.)⁵ (Лесков. Т. 11. С. 342).

Нередко авторские рефлексивы позволяют уточнить те хронологические границы, в которых можно считать слово или значение не утратившим эффект новизны, непривычности, не освоенным русским языком.

По наблюдениям В. В. Виноградова, в семантической структуре прилагательного *безразличный* под влиянием французского *indifferent* с начала XIX в. постепенно стали формироваться значения ‘равнодушный, безучастный’, ‘не имеющий существенного значения’ [Виноградов 1999: 56].

Одно из писем Тургенева показывает, что даже в середине XIX в. это слово воспринималось как галлицизм, несвойственный лексической системе русского языка: «В этом последнем отрывке слог твой уже чересчур небрежен; галлицизмы самые вопиющие попадают на каждом шагу... **Коленопреклоненно умоляю тебя: не употребляй слово: безразличный! Особенно в одном месте оно меня точно по щеке ударило**» (А. И. Герцену, 1857)⁶ (Тургенев. Т. 3. С. 182–183).

Глагол *влиять* в значении ‘действовать на кого-либо, что-либо’ был словообразовательной калькой с французского *influer*. Он фиксируется уже в первом издании словаря В. И. Даля (1863 г.), но по письму Тургенева видно, что и в 1870-е гг. слово не было освоено русским языком, его употребление считалось показателем плохого языкового вкуса: «Несовместимость на меня влияла⁷. **Я никак не ожидал, что ты, русский человек и поэт, употребишь такой фальшивый галлицизм**» (Я. П. Полонскому, 1872) (Тургенев. Т. 12. С. 58).

Комментарий писателя может свидетельствовать о степени распространенности какого-либо слова (значения). Глагол *выглядеть* в значении ‘иметь вид’ являлся словообразовательной калькой с немецкого *aussehen* и стал использоваться в разговорной речи жителей Петербурга с 1840-х гг. [Сорокин 1965: 170]. Несмотря на рост употребления этого глагола во второй половине XIX в. разными авторами, нельзя считать, что он вошел в систему литературного языка в этот период. В 1859 г. Тургенев подчеркивает его территориальную ограниченность: «А здесь у нас проявились разные новые лица: г-жа Маркович, ...которая так выглядит (**как говорят петербуржцы**) — как будто не ведает, какую руку берет за перо» (В. П. Боткину, 1859) (Тургенев. Т. 4. С. 17).

Метаязыковой контекст может позволить провести относительную хронологизацию появления слова в языке. Например, время возникновения русской слово-

⁴ Достоевский Ф. М. *Письма*. Цит. по: [Достоевский 1985–1988]. (Далее — Достоевский.)

⁵ Лесков Н. С. *Письма*. Цит. по: [Лесков 1958]. (Далее — Лесков.)

⁶ Тургенев И. С. *Письма*. Цит. по: [Тургенев 1978–2018]. (Далее — Тургенев.)

⁷ Здесь и далее: подчеркивание в источниках.

образовательной кальки, неизвестной писателю, можно датировать относительно употребления нового для определенного периода иноязычного прототипа.

Судя по одному из писем Тургенева, слово *последствие* в прямом и переносном значениях ('чувство, которое остается после какого-либо опыта') в русском языке появилось в результате поморфемного перевода французского *arrière-goût* не ранее 1870-х гг.: «Я к ним (стихам Н. А. Некрасова. — Ю. З.) чувствую нечто вроде положительного отвращения: их "**arrière-goût**" — **не знаю, как сказать по-русски** — особенно противен: от них отзывает тиной, как от леща или карпии» (Полонскому, 1870 г.) (Тургенев. Т. 10. С. 141). Слово *arrière-gout* встречается в иллюстративном материале Словаря галлицизмов Н. И. Епишкина с 1863 г. [Епишкин 2010], неоднократное использование этого иноязычного вкрапления в русском языке XIX в. объяснялось наличием лексической лакуны. Существительное *последствие* не фиксируется в толковых словарях русского языка XIX в., не используется оно и для перевода французского слова в Полном французско-русском словаре Н. П. Макарова (1884 г.): «arrière-goût — отзыв вкуса» [Макаров 2004: 109].

Неологизмы в письмах. Критерии отбора и классификации

Придерживаясь широкого подхода к пониманию термина «неология», мы включили в состав новых слов второй половины XIX в. как языковые, так и речевые единицы — неолексемы и неосемемы.

В составе неологизмов выделяется несколько групп.

Русские лексические неологизмы

Лексемы, которые были образованы в русском языке второй половины XIX в. от исконных или заимствованных производящих основ при помощи аффиксов, зафиксированы у разных авторов, нашли отражение в словарях русского языка XIX–XXI вв., вошли в состав литературного языка рассматриваемого периода:

- отвлеченные существительные с суффиксами *-ость*, *-ств*, *-щин*, *-ниј*, *-ениј*, *-изм*: *дагерротипность*, *дешифрирование*, *инвалидность*, *интеллигентность*, *интимность*, *партийность*, *покладливость*, *портативность*, *претенциозность*, *сальность*, *тенденциозность*, *фельетонность*, *ходульность*, *целесообразность*; *вегетарианство*, *генеральство*, *декадентство*, *ипокритство*, *критиканство*, *культуртрегерство*, *революционерство*, *реставраторство*, *сектантство*, *смутьянство*, *толстовство*; *казеницина*, *толстовщина*; *бойкотирование*, *игнорирование*, *самоистребление*, *самооскопление*, *самоотрицание*; *нигилизм*, *штундизм*;
- существительные со значением лица: *нигилист*, *обруситель*, *почвенник*, *психопатка*, *рекламист*, *толстовец*, *чиншевик*, *шантажист*, *штундист*, *электрик*;
- прилагательные: *антикоммунистический*, *декадентский*, *декольтированный*, *идейный*, *инсинуационный*, *партийный*, *экзальтационный*;
- глаголы: *литературствовать*, *литераторствовать*, *окулачиться*, *русифицировать* и др.

Потенциальные слова

Термин «потенциальные слова» остается дискуссионным в лингвистике. Е. А. Земская понимает под ним лексемы, произведенные по образцам продуктивных типов словообразования, без нарушений норм языка, имеющие индивидуальный или очень ограниченный характер употребления, не вошедшие в литературный язык [Земская 2010: 208]. По мнению Н. З. Котеловой, потенциальное слово — это вакантное место в лексической системе, незамещенная позиция, и реализованное в речи слово нельзя назвать потенциальным [Котелова 2015: 251]. С. С. Рудова под потенциальностью слова понимает его возможность войти в лексическую систему языка. Потенциал определяется такими факторами, как общедоступность источника появления слова, авторитет создателя, наименование словом нового понятия, социальный заказ и др. [Рудова 2013: 163].

На наш взгляд, термин «потенциальное слово», применяемый к какому-либо периоду в истории языка, нужно рассматривать в тесной связи с понятием лакунарности лексической системы, которое разрабатывается в лингвистике в последние десятилетия. Под лакуной понимается пробел (незанятое место) в лексической системе того или иного языка [Быкова 1999: 16]. Одним из важнейших стимулов развития лексического состава русского языка было наличие большого количества лакун, особенно в классе абстрактной лексики.

По отношению ко второй половине XIX в. термином «потенциальные слова» мы обозначаем неузуальные единицы, которые элиминировали лакуны в лексике, обладали необходимыми качествами для вхождения в систему литературного языка, но были заменены другими словами, получившими статус узуальных, остались безэквивалентными или вошли в язык гораздо позднее первых случаев употребления.

Потенциальная лексика XIX в. представляет большой интерес с точки зрения отражения в ней общих путей развития лексико-семантической системы, поиска языком недостающих лексем, реализации продуктивных словообразовательных типов.

Определим основные признаки потенциальных слов:

1. В отличие от окказионализмов, основная функция потенциальных слов — номинативная, а не экспрессивная.
2. Они могут быть созданы как по продуктивной, так и по непродуктивной словообразовательной модели. Главные критерии «потенциальности» — актуальность выражаемого словом понятия, необходимость выразить это понятие одним словом, соответствие лексемы словообразовательной системе языка.

Большая часть обнаруженных в письмах потенциальных слов была образована по продуктивной модели «существительное со значением лица + суффикс *-ств*» (или «глагол + суффикс *-ств*»): *антикварство* ('страсть к изучению памятников старины', от *антикварий* — «занимающийся изучением древностей» [Бурдон, Михельсон 1871: 46]), *кисляйство* ('безволие, апатичность', от *кисляй* — «кислый человек, в смысле вялого, хилого и слабовольного, а также и в смысле вечно ноющего» [САН, т. 4, вып. 1: 871]), *корректорство*, *кунктаторство* ('медлительность человека', от *кунктатор* — 'медлительный, нерешительный человек'), *моветонство* ('поведение моветона', от *моветон* в значении 'невоспитанный человек'), *пейзан-*

ство ('идиллическое изображение крестьян в литературе, искусстве', от *пейзан* — 'крестьянин'), *плательщикество*, *цивилизаторство* ('деятельность цивилизатора'), *шечатонство* ('поведение шечатона', *шечатон* — 'бездельник, шалопай'), *якшательство* ('сомнительное знакомство') и др.

По непродуктивной модели «*основа действительного причастия настоящего времени (сведуший) + суффикс -ность*» Лесковым было образовано отвлеченное существительное *сведущность* (от *сведуший*): «О значении религии Вы всегда судите шатко и мелко, конечно потому, что вопросы религиозные Вас мало интересовали и Вы в них не обнаруживаете *сведущности*» (А. С. Суворину, 1887 г.) (Лесков. Т. 11. С. 339). По-видимому, слово *сведущность* было создано по образцу неологизма конца XVIII — начала XIX в. *будущность*, первоначально употреблявшегося Н. М. Карамзиным и его сторонниками, а к середине века ставшего узуальным [Виноградов 1999: 62]. Лесков использовал слово *сведущность* для обозначения понятия *осведомленность*, поскольку в литературном языке, по данным словарей, соответствующее слово еще не появилось.

3. При отнесении слова к категории потенциальных, по нашему мнению, несуществен такой признак, как степень его распространенности: слово могло употребляться только одним автором или группой лиц, но в любом случае имело возможность закрепиться в литературном языке, поскольку его значение легко выводилось из словообразовательной модели.

По-видимому, Лескову принадлежит авторство слов *легкомысленник* и *манерник*, образованных по модели «основа имени прилагательного + суффикс -ик». Их можно рассматривать как результат универбации (*легкомысленный человек*, *манерный человек*), характерной для разговорной речи. Эта модель была продуктивной в русском языке второй половины XIX в., и чаще всего по ней образовывались существительные, называющие лицо по роду занятий или убеждениям [Сорокин 1965: 235].

Слово *манерник* не фиксируется в словарях XIX–XX вв. и Национальном корпусе русского языка⁸. Существительное *легкомысленник* встретилось нам только в письмах Лескова и его художественных произведениях. Оно фиксируется (с пометой *разг.*) в «Словаре русского языка, составленном Комиссией по русскому языку АН» (1927) и 17-томном Словаре современного русского литературного языка. Однако единственный пример, приведенный в них, взят из романа Лескова «Соборяне». Столь низкая частотность — свидетельство, скорее, потенциального характера лексемы, чем принадлежности русскому литературному языку. То же можно сказать и о существительном *предрассудочность* ('свойство предрассудочного'): оба примера употребления, содержащиеся в НКРЯ (очерк «Из Сибири», 1890) и БАС (письмо Е. М. Шавровой, 1896) [БАС, т. 11: 161], принадлежат Чехову. Единичными примерами представлены в письмах и других источниках существительные *театромания* (Чехов), *галереемания*, *картиномания*, *латиномания* (Тургенев), вместе с тем первое вошло в БАС, а последние три — нет.

Потенциальное слово могло обладать и определенной распространенностью в исследуемый период.

⁸ Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.05.2020). (Далее — НКРЯ.)

В письме Лескова встречается существительное *принципи́ст* ('принципиальный человек'): «Нет никаких таких принципов, которые можно было бы поддерживать, не поддерживая людей, сим принципам преданных и им служить готовых. Не верю я таким принципистам...» (П. К. Щебальскому, 1875 г.) (Лесков. Т. 10. С. 426).

Слово *принципи́ст* употребляли и другие литераторы: Чехов («Исповедь», 1883), И. Н. Потапенко («Не герой», 1891) (НКРЯ), П. Д. Боборыкин. Последний в статье «Принципи́ст», посвященной Г. К. Градовскому (1916)⁹, так характеризует лексическое новообразование: «Да, Градовский, как публицист и общественный деятель, был именно: “принципи́ст”. Самое слово, кажется, пустил в ход я же. Некоторые, быть может, употребляют его с иронической интонацией, но здесь я беру его в положительном смысле» (Боборыкин. С. 85).

4. Потенциальное слово может представлять своеобразную предысторию вхождения в язык какой-либо лексемы.

Судя по одному из писем Лескова, в публицистических текстах конца XIX в. употреблялось существительное *профетизм*: «Так что же их должно... интересоваться: художественная сторона моих сочинений или то, что Экарт называет “беспристрастием”, а покойный Щебальский называл в “Русском вестнике” — “профетизмом”» (К. А. Греве, 1888) (Лесков. Т. 11. С. 395). Слово *профетизм* не фиксируется в толковых, энциклопедических словарях XIX — начала XX вв., первые примеры его употребления в НКРЯ датируются 1936 и 1938 г. Существительное не отражено и в «Полном французско-русском словаре» Макарова (1884), значит, оно не было заимствовано из французского. Скорее всего, слово образовано в русском языке от греческого по происхождению *профет* («пророк» [Бурдон, Михельсон 1871: 450]). Лесков употребил существительное *профетизм* для именованя понятия, связанного с художественным творчеством. В качестве литературоведческого термина это существительное впервые встретилось нам в словаре конца XX в.: «профетизм — прогностическая установка в литературе и публицистике» [Щенников, Алексеев 1997].

Похожую историю в русском языке имели и слова *экспрессионист*, *экспрессионистка*. Термин *экспрессионизм* возник в немецком языке в 1911 г. Впервые его употребил поэт Отто цур Линде для обозначения реакции против импрессионистского искусства. В моду этот термин вошел после манифестов Эдшмида (1919) и Бара (1930) [Гранат 1933: 544]. В НКРЯ существительное *экспрессионист* как наименование сторонника нового литературного направления фиксируется с 1919 г.

Чехов слова *экспрессионист(-ка)* использовал задолго до появления термина. По-видимому, существительное *экспрессионист* было образовано в русском языке от французского *expression* в значении 'проявление, выражение' [Макаров 2004: 543]. В рассказе «Попрыгунья» (1891) и письме 1894 г. Чехов употребил слова *экспрессионист* и *экспрессионист(-ка)* в значении, которое было шире терминологического: 'сторонник(-ца) ярко выраженной экспрессии в живописи, литературе, музыке и т. п.'. Приведем пример из письма: «В янв<арской> книжке “Русской мысли” будет моя повесть — “Три года”. <...> Вы экспрессионистка, Вам не понравится. Надоело все одно и то же, хочется про чертей писать, про страшных, вулканических женщин, про колдунов — но увы! — требуют благонамеренных повестей

⁹ Боборыкин П. Д. «Принципи́ст». Цит. по: [Боборыкин 1916: 82–86]. (Далее — Боборыкин.)

и рассказов из жизни Иванов Гаврилычей и их супруг» (Шавровой, 1894) (Чехов. Т. 5. С. 344).

5. Важным признаком потенциального слова служит его понятность в минимальном контексте или вне контекста, что обеспечивается двумя факторами: соответствием существующей в языке словообразовательной модели и характером семантических мотивационных отношений между производящей и производной основами.

Для потенциального слова и его производящего характерны отношения прямой, реальной переносной или ассоциативной переносной мотивации (термины Земской [Земская 2015: 163–164]). В отличие от окказионализма, в потенциальной лексеме ассоциативная мотивация не индивидуальна: в значении производящего слова становятся ядерными и получают узальный статус периферийные семы.

В письме Достоевского в одном контексте употребляются слова *ерыжность* и *уличность*: «А какой ерыжный тон во всей теперешней литературе! Про беспорядок и сумятицу в идеях — бог с ними, они и должны были произойти. Но этот тон всеобщий! Какая ерыжность, какая уличность! И ни одной-то усвоенной, крепкой мысли, хоть какой-нибудь, хотя бы и ложной! Что у них за философы, что у них за фельетонисты! Полная дрянь» (Н. Н. Страхову, 1870) (Достоевский. Т. 29, ч. 1. С. 125).

Опираясь на приведенный выше критерий, отвлеченное существительное *уличность* относим к потенциальным словам, а *ерыжность* — к окказиональным. Судя по примерам из различных источников, у прилагательного *уличный*, в отличие от *ерыжный*, к середине XIX в. в литературном языке сформировалось переносное качественное значение «низкопробный, удовлетворяющий вкусам, запросам малокультурной части общества» [БАС, т. 16: 547–548]. Например, в этом значении использовали слово Б. Н. Чичерин: *уличный либерализм, уличный либералист* (Различные виды либерализма, 1861) (НКРЯ); Герцен: *уличная шутка* (Былое и думы, 1862–1866) (НКРЯ); М. Е. Салтыков-Щедрин: *уличный язык, уличная мудрость, уличное мировоззрение, уличное мирозерцание* (Насущные потребности литературы, 1869) (НКРЯ), *уличные публицисты, уличная философия* (Снопы. Стихи и проза Я. П. Полонского, 1871) (НКРЯ). Ср. наречие *по-уличному* в «Преступлении и наказании» Достоевского (1866): «Наряд ее был грошовый, но разукрашенный *по-уличному*, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире» (НКРЯ). Похожие семантические изменения пережило в русском языке XIX в. прилагательное *бульварный*.

Если в слове *улица* семы 'низкопробность', 'безвкусица' являются ассоциативными и периферийными, то в новой семеме производного *уличный* они перемещаются в ядро. Поиск отвлеченного существительного, содержащего такие семы, побудил Достоевского образовать потенциальное слово.

Окказиональная лексика

Под окказионализмами часто понимают неузальные слова, созданные с нарушением законов словообразования [Земская 2010: 208]. Наш материал показывает, что это определение охватывает лишь часть окказиональной лексики. Слово может быть создано по продуктивной словообразовательной модели, без нарушения норм словообразования, но быть при этом окказиональным, поскольку тесно

связано с контекстом и понятно только в нем, его значение не выводится из словообразовательной модели. Все лексемы такого типа обладают ассоциативной переносной мотивацией.

Во второй половине XIX в. в русском литературном языке отмечается появление переносных значений у некоторых слов, связанных со сферой профессиональной деятельности, формируется семантическая деривационная модель «занимающийся каким-либо ремеслом» → «выполняющий работу некачественно». Например, *ремесленник* — «тот, кто работает без творческой инициативы, по сложившемуся шаблону» [БАС, т. 12: 1208] (позднее переносное значение появилось у производного *ремесленничество*), *сапожник* — «о неискусном, неумелом в работе человеке» [БАС, т. 13: 177]). Эти значения закрепились в языке, поскольку ассоциативные связи приведенных слов были общеизвестны. Переносное значение могло не развиваться в производящем слове, но ассоциативные семы становились при этом ядерными в производном: такова история переносного значения слова *генеральство* — «замашки начальственные, важничание».

Если ассоциативные семы имели индивидуально-авторский характер, то производное слово являлось окказиональным. При этом оно могло отражать общезыковые тенденции развития лексико-семантической системы. По наблюдениям исследователей, окказионализмы XIX в. «не просто свидетельствуют о поиске адекватных средств выражения в сиюминутной коммуникативной ситуации, но часто в них можно увидеть начало будущих языковых изменений» [Калиновская, Эзерина 2017: 546]. В составе русской неологии второй половины XIX в. мы сосредоточили внимание именно на таких окказионализмах и не рассматривали лексемы, имеющие исключительно ситуативное значение. Разберем несколько примеров.

Русские писатели неоднократно создавали слова, связанные с художественным творчеством, его оценкой — мастерством или бездарностью автора. В речи негативные коннотации приобретало слово *ремесленник*, параллельно шел поиск и других номинаций для выражения такого смысла. Семантическим потенциалом в этом отношении обладали слова *колбасник*, *квакер*. Достоевский образовал от *колбасник* отвлеченное существительное *колбасничество*, в котором актуализируются и становятся ядерными окказиональные ассоциативные семы «банальность», «шаблонность», «недостаточность эстетического начала»: «Прочел половину “Загадочных натур”. По-моему, ничего необыкновенного. Натуры совсем-таки не загадочные, слишком обыкновенные. Где дело касается до современных идей, то видна молодость и некоторое нахальство. Много истинной поэзии, но какое же и колбасничество» (М. М. Достоевскому, 1864) (Достоевский. Т. 28, ч. 2. С. 78). Существительное *квакер* вызывало у Достоевского похожие ассоциации. По замечанию Т. Н. Грановского, до конца XVIII в. жизнь квакеров «была очень однообразна и бедна наслаждениями, потому что из нее изгонялись искусства» (цит. по: [Достоевский, т. 28, ч. 2: 392]). В слове *квакерство* актуализируются семы «утилитарность», «копирование», «отсутствие художественности»: «Вы не поверите, как они сами-то смотрят на литературу. Ограниченная утилитарность — вот все, чего они требуют. Напишите им самое поэтическое произведение, они его отложат и возьмут то, где описано, что кого-нибудь секут. Поэтическая правда считается дичью. Надо только одно копированное с действительного факта. Проза у нас страшная. Квакерство» (Тургеневу, 1863) (Достоевский. Т. 28, ч. 2. С. 60–61).

Производящим для отвлеченного существительного *ерыжность* послужило прилагательное *ерыжный* в переносном неузואальном качественном значении 'пошлый, приземленный, низкопробный'. Появление такого семантического деривата в речи Достоевского связано с индивидуально-ассоциативными семами в значении существительного *ерыга* — «пьяница, шатун, мошенник, беспутный» [Даль, т. 4: 679].

В одном из писем Лескова употребляется существительное *базарничество*: «Я за Вас, добрый друг мой, радуюсь: мы дали публике настоящее литературное произведение в дни полного упадка и базарничества» (С. Н. Шубинскому, 1887 г.) (Лесков. Т. 11. С. 348–349). Судя по контексту, *базарничество* — это торговля литературными произведениями, лишенными художественной ценности.

Писатель мог образовать окказионализм от слов *базарник* («базарный торговец») или *базарничать* («заниматься мелочной торговлей на базаре»), которые фиксируются в толковом академическом словаре (1895 г.) [САН, т. 1, вып. 1: 94]. Производные отвлеченные существительные с этим корнем в литературном языке не появились.

Существительное *базарничество* интересно характером мотивации. На наш взгляд, семантика этого деривата мотивирована опосредованно: не значением производящей основы, а фразеологизмом *базарная работа*, содержащим отрицательную оценку: «о предметах грубой выделки, дешевке, рассчитанной на невзыскательного покупателя (устар.)» [БАС, т. 1: 243].

Опосредованная мотивация была свойственна не только окказионализмам. В письмах встречается появившееся в русском литературном языке к середине XIX в. отвлеченное существительное *ходульность*, производящим к которому было прилагательное *ходульный* в переносном качественном значении «излишне приподнятый; напыщенный, высокопарный» [БАС, т. 17: 299]. Полагаем, что это значение, так же как переносное значение существительного *ходули* («о том, что содержит в себе высокопарность») [БАС, т. 17: 298], мотивировано фразеологизмом *подыматься на ходули* — «говорить свысока, напыщенно» [Даль, т. 4: 508].

В XIX в. в русском языке появилось много нарицательных существительных, мотивированных собственными именами. Они обозначали общественные явления по имени лица, названного производящим. Продуктивными были словообразовательные модели «*собственное имя + суффикс -ств- или -щина-*»: *донкихотство, донжуанство, молчалинство, маниловицина, обломовщина, чичикововщина, хлестаковщина (хлестаковство), базаровщина (базаровство)* и др. [Сорокин 1965: 221, 226–227].

Многие из этих слов вошли в литературный язык, но часть имела окказиональный характер, по-видимому, в силу того, что ассоциации с теми или иными именами не были устойчивыми. В письмах встречаются отвлеченные существительные, производные от собственных имен Гарун-аль-Рашид (*гарунальрашидство*), А. Дюма (*дюмасовщина*), М. Н. Катков (*катковщина*), Н. А. Лейкин (*лейковщина*), О. Бисмарк (*бисмарковщина*), В. Каульбах (*каульбаховщина*), К. П. Брюллов (*брюлловщина*) и др.

Заимствованная лексика

Письма отражают большой приток заимствований в русский язык во второй половине XIX в. Активное пополнение лексики иноязычными единицами было

связано с такими факторами, как формирование синонимических рядов, заполнение лексических лагун, сужение (специализация) значений исконно русских слов; тесные культурные связи России со странами Европы, развитие науки, возникновение новых общественно-политических, религиозных, философских, литературных течений. Ю. С. Сорокин отмечал, что к 1880-м годам «в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему» [Сорокин 1965: 48]. В составе заимствований можно выделить:

- лексику, связанную с социально-политической, идеологической сферой: *аннектировать, бойкотировать, коммунизм, милитаризм, национализм, социалистический, узурпировать, фаминизм, эманципация, эманципе*;
- лексику, связанную с религиозной и философской сферой: *антропоцентризм, индифферентизм, медиум, штунда*;
- лексику, связанную с научной сферой: *акклиматизироваться, дегенерат, дозировать, констатировать, маньяк, морфинизм, пертурбация, психоз, психопат, психопатический, психопатия, ректификация, суррогат, теоретизм, штудировать, эвфемизм, элукубрация*;
- юридическую терминологию: *кодифицировать, легальный, легитимация, реабилитироваться*;
- экономическую терминологию: *дотация, прификс, реклама, рекламировать*;
- лексику, связанную со сферой психической, умственной деятельности, особенностями поведения человека: *абсентеизм, альтруистический, апломб, графомания, дисгармонировать, интимность, оппортунизм, экспансивность, эксцесс*;
- наименования лиц по роду занятий, образу жизни, взглядам: *вегетарианец, декадент, крупье, пессимист, сепаратист, социалист, цивилизатор, унионист, эмансипатор*; и другие группы.

Рассмотрим процессы адаптации заимствованных слов в русском языке на материале писем.

На графико-фонетическом уровне можно видеть транскрипцию иноязычного слова (корня): *антураж, глясе, кунситюк, фаминизм, рантье, резюмировать, штудировать, штунда*; транслитерацию: *абсентеизм, арранжировать, деранжировать, инструментировать, инцидент, национализм, реабилитироваться*; или совмещение этих приемов: *рантьер, инженерю* и др. В некоторых случаях отмечаются колебания в фонетическом облике, связанные с принципом передачи иноязычного корня. Например, в русском языке варьируется звуковой облик французского корня *étapcir-* — *эманципация, эманципированная, эманципе, эмансипе*: вариант с *-с-* представляет собой транскрипцию, а с *-ц-* — транслитерацию. Может варьироваться графический облик слова: оно записывается то латинской, то русской графикой, например *claque* и *клака, ingénue* и *инженю, mise-en-scène* и *мизансцен, plage* и *пляж, fiasco* и *фиаско*.

На словообразовательном уровне стандартным способом при заимствовании глаголов была передача немецкого суффикса *-ieren-* или французского *-er-* русским *-ирова(-ть)*: *арранжировать* (фр. *arranger*), *бойкотировать* (нем. *boycottieren*), *дисгармонировать* (нем. *disharmonieren*), *прогрессировать* (фр. *progresser*), *телефонировать* (фр. *téléphoner*), *франкировать* (нем. *frankieren*). Суффикс *-ирова(-ть)* исполь-

зуется и в случае конверсии в иностранном языке, когда отсутствует глагольный суффикс: в русском *интервьюировать*, в английском *interview* — существительное и глагол.

В некоторых случаях наблюдается замена иноязычной производящей основы: *массажировать* при французском *masser*, глагольная основа *mass-* заменена основой существительного *массаж*, параллельно употреблялся стандартный вариант *массировать*; глагол *ассистентировать* образован от *ассистент*, при этом в словарях конца XIX в. фиксируется вариант *ассистировать* (фр. *assister*). Можно наблюдать и варьирование суффикса в отдельных глаголах: *пульверизовать* — *пульверизировать*, *репетовать* — *репетировать*, *сконкретовать* — *конкретизировать*. Вариативность морфемной структуры приведенных слов свидетельствует о том, что в рассматриваемый период в русском языке их словообразовательная адаптация еще не была завершена.

Прилагательные оформляются при помощи суффиксов *-н-*: *корректный* (фр. *correct*), *легальный* (фр. *legal*), *претенциозный* (фр. *prétentieux*), *-ск-*: *психопатический* (фр. *psychopatique*).

В существительных французские суффиксы *-ion-*, *-ation-* передаются при помощи русских *-ий-*, *-аций-*: *диффамация* (фр. *diffamation*), *дотация* (фр. *dotation*), *пертурбация* (фр. *perturbation*), *ректификация* (фр. *rectification*), *эмоция* (фр. *emotion*). В случае конверсии «прилагательное → существительное» к производящей иноязычной основе добавляется русский суффикс: английское *vegetarian* — прилагательное и существительное, русские *вегетарианец*, *вегетарианский*.

В морфологическом отношении на нулевом уровне адаптации находятся французские существительные, не оформленные по правилам русской грамматики, оставшиеся несклоняемыми, например *инженю*, *крупье*, *монрепо*, *портье*, *протеше*, *рантье*, *эмансипе*. Встретившиеся в письмах слова с латинским окончанием *-ит-* были оформлены в русском языке как существительные женского рода с окончанием *-а*, с суффиксом *-ий-* или без него: *крематория* (фр. *crematorium*, нем. *Krematorium*), *санатория* (фр. *sanatorium*, нем. *Sanatorium*), *уника* (лат. *unicum*).

Французские существительные с финалями *-ie*, *-e* приобрели в русском языке окончание женского рода *-а*: *клака* (фр. *claque*) или окончание *-а* + суффикс *-ий-*: *графомания* (фр. *graphomanie*), *олеография* (фр. *oleographie*).

К морфологическим признакам адаптации глаголов относится активное образование причастий, которые могли переходить в прилагательные: *акклиматизировавшийся*, *альярмирующий*, *аранжированный*, *декольтированный*, *дисциплинированный*, *кодифицирована*, *узурпирующая*, *циркулирующий*, *эманципированный*.

Письма отражают и процесс семантической адаптации заимствований, позволяют уточнить данные словарей XIX в. в отношении их семантической структуры, которая могла существенно различаться в языке и речи.

Одной из важных тенденций в адаптации заимствований была их детерминологизация, выход за пределы каких-либо понятийных сфер, что сопровождалось метафоризацией, расширением значения и лексической сочетаемости и др. Приведем несколько примеров.

Слово *фетишизм* появляется в словарях с середины XIX в. со значением религиозного термина: «религия, состоящая в поклонении фетишам» [Словарь 1847: 386]. В письмах Тургенева существительное употребляется в переносном значении

‘слепое поклонение каким-либо авторитетам’. Впервые в таком значении слово употребил А. В. Дружинин в работе «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856): *литературный фетишизм, критический фетишизм* (НКРЯ).

Позаимствовав это значение у Дружинина, Тургенев в письме 1856 г. маркирует слово кавычками и подразумевает под ним преклонение Н. Г. Чернышевского перед памятью В. Г. Белинского: «Больше всех Вам не по нутру Чернышевский... Положим, Вам его “фетишизм” противен — и Вы негодуете на него за выкапывание старины...» (Л. Н. Толстому, 1856) (Тургенев. Т. 3. С. 166). В письме 1872 г. метаоператоры уже отсутствуют, что говорит о привычности значения для адресанта и адресата письма: «Почему Вы полагаете, что я заражен фетишизмом и преклонением перед европейскими авторитетами?» (В. В. Стасову, 1872) (Тургенев. Т. 11. С. 265). Переносное значение существительного *фетишизм* в словарях появилось только в конце XIX в.

Расширение значения и выход за пределы религиозной сферы можно наблюдать и у слова *индифферентизм*. В словаре иностранных слов 1861 г. оно фиксируется со значением «лат. равнодушие, безразличие в делах веры» [ПСИС: 198]. Нейтрализация семы ‘вера’ приводит к формированию более широкого значения ‘безучастность, равнодушие’: «Сообщение сведений из их жизни, из их апатического отношения к России, лени, нигилизма, индифферентизма и проч.» (В. Ф. Пуцковичу, 1879) (Достоевский. Т. 30, ч. 1. С. 62).

С середины XIX в. в словарях в качестве медицинского термина фиксируется слово *суррогат*: «мед. лекарство, заменяющее другое, хотя оно и низшего достоинства» [Словарь 1847: 250]. Одно из писем Тургенева показывает, что в это же время стало формироваться более широкое значение ‘подобие чего-либо; то, что подменяет собой что-либо’; синтагматические связи существительного начали расширяться: писатель употребляет словосочетания *суррогат действительности, жизни*. Это значение получает словарную фиксацию только в конце века.

Новизну значения для 1850-х гг. позволяет определить метаязыковая рефлексия: вводное предложение указывает на то, что значение еще не было общеупотребительным: «Что же касается до книги Чернышевского — вот главное мое обвинение против нее: в его глазах искусство есть, **как он сам выражается**, только суррогат действительности, жизни — и в сущности годится только для людей незрелых... А это, по-моему, вздор» (П. В. Анненкову, 1855) (Тургенев. Т. 3. С. 49).

Существительное *пертурбация* было заимствовано в середине века из французского языка в качестве термина астрономии: «астр. отклонения планет от их эллиптических путей вокруг солнца, от действия на них других планет» [ПСИС: 395]. Письма Чехова свидетельствуют о том, что во второй половине столетия у слова сформировалось более широкое значение, которое является основным в современном русском языке, — ‘резкое изменение в чем-либо’. Это значение реализуется в контекстах, связанных с психической, умственной деятельностью человека: «Такая в моем нутре идет пертурбация, что хватило бы материала на сто бесед» (А. Н. Плещееву, 1889) (Чехов. Т. 3. С. 185), «Я не пишу, а занимаюсь пертурбациями» (Плещееву, 1889) (Чехов. Т. 3. С. 248); с социальной жизнью: «В “Артисте” происходят в настоящее время те же пертурбации, что в “Севере”, и никак не разберешь, кто там редактор» (Ал. П. Чехову, 1894) (НКРЯ); с физиологическими процес-

сами: «Бывают в животе такие пертурбации...» (А. Б. Тарховскому, 1899) (Чехов. Т. 8. С. 144).

Письма дают ценную информацию о тех семантических процессах, которые были свойственны заимствованной лексике только в разговорной речи и не нашли отражения в словарях XIX в.

Глагол *циркулировать* фиксируется в словарях с конца XIX в. в прямом значении «вращаться, находиться в круговом движении, обращаться». Письмо Лескова 1882 г. отражает появление у причастия *циркулирующий* переносного, характерного для разговорной речи значения ‘обсуждаемый, передаваемый от одного к другому (об идеях, мыслях, слухах и т.п.)’: «Начать советую с нее, потому что это вопрос теперь циркулирующий» (Ф. А. Терновскому, 1882) (Лесков. Т. 11. С. 266). Распространенность этого значения в конце XIX в. подтверждают примеры из НКРЯ: «Мысль о равнении земель циркулирует среди крестьянского населения...» (1881), «Циркулировавшие по этому поводу сплетни...» (1891), «Циркулировавшие по городу слухи...» (1893) и др.

Существительное *гарнир* также приводится в словарях XIX в. только в прямом значении: «Овощи, располагаемые для приправы или прикрасы кругом мясного или рыбного кушанья» [САН, т. 1, вып. 2: 778]. Письма Лескова и другие источники позволяют увидеть формирование в разговорной речи переносного значения ‘то, что сопутствует главному, основному’: «Я хотел Вам прибавить к “Даниле” женщину “Азу”... Наконец она сегодня только вышла, с посвящением и послесловием... Далее, мы можем гарнир отбросить и подать “Азу” в ее чистом виде» (В. Г. Черткову, 1888) (Лесков. Т. 11. С. 368–369). Ср. употребление слова в том же значении другими авторами: «Будет соус или гарнир к Кознышеву и Каренину» (Л. Н. Толстой, 1878) (НКРЯ), «Весь же остальной «кондуит» представляет гарнир из сквернословия, зуботычин и нагаек» (Салтыков-Щедрин, 1880–1881) (НКРЯ).

По наблюдениям М. Н. Приемышевой, на начальном этапе семантической адаптации иноязычного слова для него часто была свойственна аморфность, расплывчатость значения, неопределенность круга лексических валентностей. Для XIX в., в отличие от других периодов, были характерны тенденции усиления личностного, творческого начала в языковом процессе; переосмысления «чужого» слова на основе индивидуальных ассоциаций или знаний до его вхождения в узус [Приемышева 2003: 51, 54].

Существительное *коммунизм* фиксируется в словарях русского языка со второй половины XIX в. в значении «учение, признающее необходимым разделение богатства между всеми, смотря по нуждам и потребностям каждого» [ПСИС: 242]. Достоевский возвращается к этимологии слова — французское *communisme* является суффиксальным дериватом от прилагательного *commune* ‘общий’ — и в своих письмах называет *коммунизмом* совместное проживание с другими людьми: «Вот уже очень скоро пять лет, как я под конвоем или в толпе людей, и ни одного часу не был один. Быть одному — это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником» (Н. Д. Фонвизиной, 1854) (Достоевский. Т. 28, ч. 1. С. 177).

Появление индивидуально-авторского значения у иноязычного слова может объясняться наличием лексической лакуны в русском языке.

Достоевский употребляет слово *практикант* в значении, которое не фиксируется в словарях XIX в., — ‘практичный, деловой человек’: «Да Вы-то сами, голубчик мой, себя таким практикантом и эгоистом чего выставляете: не Вы ли мне 200 р. займы дали, а со смертью брата Миши и с падением журнала 2000 р. почти потеряли!» (А. Н. Майкову, 1868) (Достоевский. Т. 28, ч. 2. С. 280). Судя по материалам словарей, у существительного *практик* к 1860-м гг. это значение еще не сформировалось.

Окказиональный характер может иметь и такое переосмысление значения, которое связано с увеличением денотативного объема слова.

Слово *альфонс* появляется в словарях с начала XX в. со значением ‘молодой человек, живущий за счет соблазненной им женщины’. Чехов употребляет это существительное в более широком значении — ‘человек, живущий за чужой счет’: «У меня деньги на исходе. Приходится жить альфонсом. Живя всюду на чужой счет, я начинаю походить на нижегородского шулера, который ест чужое, но сверкает апломбом» (Чеховым, 1887) (Чехов. Т. 2. С. 73). Переосмысление значения приводит к расширению сочетаемости производного слова: «Я говорю об оскорблении могил, практикуемом так часто литературными альфонсиками и маркерами вроде г. Лемана» (Плещееву, 1888) (Чехов. Т. 2. С. 226).

Семантические дериваты

Под семантической деривацией понимаются процессы, приводящие к отклонениям от исходного значения слова, его изменениям. В результате этих процессов формируются семантические дериваты — неосемемы, которые могут иметь как узуальный, так и окказиональный характер. Частично семантические дериваты были рассмотрены выше. В данном параграфе речь пойдет о тех значениях, которые появились у исконных или заимствованных слов, известных в русском языке до середины XIX в., т. е. семантическая деривация в этом случае не сопровождала появление новой лексемы, а являлась самостоятельным процессом. Рассмотрим основные типы семантических изменений, которые были свойственны лексике русского языка во второй половине XIX в.

Тропеический тип. Этот тип семантической деривации связан с формированием переносного значения метафорического или ассоциативного характера.

Метафорический тип переноса представлен, например, в словах *козырять* (‘выставлять что-либо как свое преимущество, бить на эффект’): «Первая половина ”Я<кова> Я<ковлевича>” недурна — в ней заметен юмор — хотя и тут автор “козыряет”, а мы знаем, что значит это слово...» (Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву, 1852) (Тургенев. Т. 2. С. 167); *фотография* (‘то, что служит точной копией чего-либо (в искусстве, литературе)’): «Рассказ Достоевского... действительно замечательная фотография: только уж очень много он сам с собою возится» (И. П. Борисову, 1866) (Тургенев. Т. 7. С. 23); *щепетильный* (‘мелочный, излишне педантичный’): «Тогда, по-моему, стихотворение выйдет истинно прекрасно. Я знаю, что Вы человек не щепетильный — и потому так смело предлагаю Вам эти изменения» (Полонскому, 1856) (Тургенев. Т. 3. С. 168–169) и др.

Метафорический или ассоциативный перенос может представлять собой семантическую кальку.

Под влиянием французского языка с конца 1880-х гг. (после открытия всемирной выставки в Париже) у существительного *гвоздь* начинает формироваться фразеологически связанное значение, которое реализовалось в словосочетаниях с родительным падежом ('самое заметное, главное в чем-либо'): *гвоздь сезона, гвоздь выставки, гвоздь концерта* и др. В письмах Чехова это значение выступает в словосочетаниях *гвоздь пьесы, гвоздь мечтаний*: «Гвоздь пьесы — III акт, но не настолько гвоздь, чтоб убить последний акт» (Ал. П. Чехову, 1889) (Чехов. Т. 3. С. 211); «Литературный журнал составляет теперь гвоздь его мечтаний, и, очевидно, он согласен со мной, что я не гожусь в редакторы» (А. С. Суворину, 1892) (Чехов. Т. 5. С. 131).

Ассоциативный (образно-символический) тип переноса был характерен для прилагательного *красный* — 'представитель революционного крыла'. Это значение также является заимствованным, оно распространилось во французском языке после 1848 г. [Сорокин 1965: 526]. Одно из первых употреблений слова в новом значении встречается в письме Тургенева Герцену: «Толстому я передал твой поклон; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает с тобой познакомиться — и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красный)» (Герцену, 1857) (Тургенев. Т. 3. С. 197).

Гиперо-гипонимический тип. Сущность изменений гиперо-гипонимического характера состоит в актуализации или нейтрализации ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы. В результате появления новых или исчезновения исконных дифференциальных сем исходное значение лексемы начинает соотноситься с новым как родовое с видовым или, наоборот, как видовое с родовым [Никифорова 2008: 13].

Этот тип изменений чаще всего наблюдается в случае детерминологизации и расширения сферы употребления слова. Примером его может служить история значения существительного *ассортимент*. Оно было заимствовано из французского языка в первой половине XIX в. в качестве торгового термина. Только в значении торгового термина это слово дается в толковых словарях конца XIX в.: «1) большое количество однородных предметов, приготовленное для розничной продажи, 2) разделение товаров на сорта, сообразно их доброте» [Чудинов 1894: 126].

Письма Лескова показывают, что во второй половине века сформировалось производное, более широкое значение — 'совокупность, тип чего-либо', в котором были нейтрализованы семы 'товар', 'предмет', 'продажа': «Преобладающий ассортимент русской публики — интендантские чиновники» (И. С. Аксакову, 1875) (Лесков. Т. 10. С. 420), «И тем не менее я его написал с любовью, как тип, выразивший данное время и данный ассортимент характеров» (Щебальскому, 1884) (Лесков. Т. 11. С. 231). Ср. примеры начала XX в. у других авторов: «ассортимент эсхатологических мотивов» (С. Н. Булгаков, 1910); «обзавелась целым ассортиментом подруг», «целый ассортимент бульварных лиц», «целый ассортимент комиков и опереточных певцов» (Боборыкин, 1906–1913) (НКРЯ).

Девиационный тип. Под процессом девиационноинативных единиц понимаются модификацию иерархического статуса ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы [Никифорова 2008: 12]. Семантический сдвиг при этом оказывается очень значительным.

Глагол *куражиться* был образован от *куражить* («ободрять, поощрять» [Даль, т. 2: 825]), который, в свою очередь, являлся дериватом от французского существи-

тельного *courage* — «мужество, бодрость, смелость» [Макаров 2004: 318]. Во второй половине XIX в. на базе исходного значения 'храбриться' в семантической структуре глагола *куражиться* развилось значение 'издеваться над кем-либо, показывая свою власть': «Езда уж слишком сильная, оттого антрепренеры дороги и куражатся» (А. Г. Достоевской, 1874) (Достоевский. Т. 29, ч. 1. С. 360).

Судя по материалам словарей и НКРЯ, прилагательное *эксцентрический* с первой половины XIX в. употреблялось в значениях 'находящийся вне центра' и 'крайне своеобразный, необычный'.

В письмах Достоевского и Тургенева отмечается еще одно, не отраженное в словарях значение, в котором можно наблюдать девиационный сдвиг: 'крайне неблагоприятный, плохой'. Ср.: «Не могу существовать без денег. Поддержки же меня теперь, в слишком эксцентрическом положении, и поверь, что скоро заработаю» (М. М. Достоевскому, 1864) (Достоевский. Т. 28, ч. 2. С. 78); «Сообщений у нас никаких нет, по милости эксцентрической погоды» (А. А. Краевскому, 1852) (Тургенев. Т. 2. С. 166).

Коннотативный тип. Этот тип деривации связан с изменением прагматического компонента в семантике слова. Может изменять полюс оценочности лексемы: из положительной превращать в отрицательную или наоборот; нейтральное слово способно приобретать отрицательную оценочность.

Письма отражают смену коннотации слова *элукубрация* во второй половине XIX в. В словарях фиксируется положительно окрашенное значение: «сочинение, плод усиленного и кропотливого труда, труженическая работа» [Дубровский 1905: 750], ср. французское *élucubration* — «плод труженичества» [Макаров 2004: 467].

Письма и другие источники XIX в. показывают, что на базе сем 'усиленный', 'вымученный' в значении этого существительного появились отрицательно-оценочные семы 'лишенный естественности', 'надуманный', 'бездарный': «Ну а вот уж Вашего Страхова — несмотря на Вашу рекомендацию — читать я не стану. С меня довольно того, что я прочел из элукубраций этого смертного. Ко всему славянофильствующему я чувствую положительное физическое отвращение — как к дурному запаху, дурному вкусу, как к Брюллову или Г. Доре» (А. А. Фету, 1873) (Тургенев. Т. 12. С. 209).

Отсутствие в словарных дефинициях указания на негативную оценочность может свидетельствовать о том, что она была свойственна слову только в разговорной речи.

Аналогичные примеры употребления слова *элукубрация* встречаются и у других авторов в конце XIX в.: «Какими элукубрациями притупляют в нынешней школе здоровый ум юношества» (Б. Маркевич, 1881); «Повесть моя вышла... нелепейшею из нелепых... Нечего и говорить, что не суждено было моей бесцветной элукубрации увидеть свет» (М. Д. Бутурлин, 1898) [Епишкин 2010].

Выводы

Письма русских писателей представляют собой перспективный источник для изучения динамических процессов в лексико-семантической системе русского языка второй половины XIX в. Эпистолярный дискурс позволяет увидеть и те инновации, которые возникали в речи (в том числе окказионального характера), но вместе с тем отражали тенденции, свойственные языку.

Особой значимостью обладают метаязыковые контексты, дающие возможность судить о времени появления слова в языке, его распространенности, освоенности лексической системой, изменениях в семантике и др.

Важным внутренним фактором, определявшим развитие русского языка во второй половине XIX в., являлась лакунарность лексической системы и необходимость выражения различных понятий одним словом. Внешними стимулами эволюции служили контакты России с другими странами, изменения в общественно-политической, религиозной, культурной, научной и других сферах.

Словотворчество в эту эпоху стало «массовым явлением, охватившим чуть ли не все образованное общество» [Проект 2002: 36]. Оно проявлялось в активном создании лексических неологизмов, потенциальных слов, окказионализмов, широко употреблявшихся в письмах. Материал писем позволяет уточнить критерии разграничения потенциальных и окказиональных слов. Для потенциальной лексики главными признаками оказываются номинативная функция, элиминирование лакун, соответствие законам словообразования и узуальный характер семантических мотивационных отношений с производящей основой. Окказионализмы создаются с нарушением словообразовательных законов и/или обладают неuzuальным типом семантической мотивации, основная их функция — экспрессивная.

Большое значение во второй половине XIX в. имели также процессы заимствования иноязычных слов и усложнения семантической структуры русских и иноязычных лексем за счет появления новых дериватов. Письма отражают несколько типов семантических деривационных процессов в исследуемый период: тропеический (метафорический и ассоциативный), гиперо-гипонимический, девиационный, коннотативный.

Источники

- Боборыкин 1916 — Боборыкин П. Д. «Принципист». В кн.: *Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского*. Петроград, 1916. С. 82–86.
- Достоевский 1985–1988 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т. *Письма*. Т. 28–30. Л.: Наука, 1985–1988.
- Лесков 1958 — Лесков Н. С. *Собрание сочинений*: в 11 т. Т. 10–11. М.: Гослитиздат, 1958.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.05.2020).
- Тургенев 1978–2018 — Тургенев И. С. *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. *Письма*: в 18 т. Т. 2–14. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–2018.
- Чехов 1974–1980 — Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. *Письма*: в 12 т. Т. 1–9. М.: Наука, 1974–1980.

Словари

- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.
- Бурдон, Михельсон 1871 — Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. *Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с объяснением их корней*. 3-е изд., испр. М.: Тип. Бахметева, 1871. 608 с.
- Гранат 1933 — *Энциклопедический словарь русского bibliографического института «Гранат»*: в 58 т. Т. 51. Железнов В. Я., Ковалевский М. М. (ред.). 7-е изд. М.: Т-во Бр. А. и И. Гранат и К°, 1933. 719 с.

- Даль 1863–1866 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. 1-е изд. М.: Тип. А. Семена, 1863–1866.
- Дубровский 1905 — Дубровский Н. *Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней*. Ступин А. А. (изд.). 21-е изд. М., 1905. 768 с.
- Епишкин 2010 — Епишкин Н. И. *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. М.: ЭТС, 2010. 5140 с. <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 28.05.2020).
- Макаров 2004 — Макаров Н. П. *Полный французско-русский словарь*. По изданию 1884 г. М.: АСТ-Астрель, 2004. 1309 с.
- Проект 2002 — *Словарь русского языка XIX века. Проект*. СПб.: Наука, 2002. 209 с.
- ПСИС — *Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*. Печаткин Е. П. (изд.). СПб.: Тип. К. Вульфа, 1861. 574 с.
- САН — *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*. Т. 1–4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891–1916.
- Словарь 1847 — *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*: в 4 т. Т. 4. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1847.
- Чудинов 1894 — Чудинов А. Н. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*. Губинский В. И. (изд.). 1-е изд. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. 989 с.
- Щенников, Алексеев 1997 — *Достоевский: Эстетика и поэтика*: Словарь-справочник. Щенников Г. К., Алексеев А. А. (сост.). Челябинск: Металл, 1997. 272 с. <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/> (дата обращения: 28.05.2020).

Литература

- Барышникова 2010 — Барышникова С. В. *Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 2010. 23 с.
- Быкова 1999 — Быкова Г. В. *Лакунарность как категория лексической системологии*. Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 368 с.
- Виноградов 1999 — Виноградов В. В. *История слов*. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
- Захарова 2017 — Захарова Ю. Г. *Метаязыковая рефлексия в письмах русских писателей XIX в. Русский язык в школе*. 2017, (7): 54–58.
- Земская 2010 — Земская Е. А. *Литературная норма и неузальное словообразование*. В кн.: *Современный русский язык: Система — норма — узус*. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 207–253.
- Земская 2015 — Земская Е. А. *Язык как деятельность: морфема, слово, речь*. Солганик Г. Я. (гл. ред). 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2015. 896 с.
- Калиновская, Старовойтова 2016 — Калиновская В. Н., Старовойтова О. А. *Словарь русского языка XIX века как историко-лексикологическое исследование нового типа*. В кн.: *Язык и метод: Русский язык в исследованиях XXI века*. Т. 3: *Лингвистический анализ на грани методологического срыва*. Шумска Д., Озга К. (ред.). Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. С. 35–42.
- Калиновская, Эзериня 2017 — Калиновская В. Н., Эзериня С. А. *Лексическая семантика в пространстве «Словаря русского языка XIX века»*. В кн.: *Лексикология и лексикография славянских языков*. Чернышева М. И. (отв. ред.). М.: ЛЕКСРУС, 2017. С. 543–555.
- Касьянова 2008 — Касьянова Л. Ю. *Современное состояние и перспективы развития неологии. Гуманитарные исследования*. 2008, 4 (28): 51–61.
- Касьянова 2009 — Касьянова Л. Ю. *Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX — начала XXI века*. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Астрахань, 2009. 47 с.
- Котелова 2015 — Котелова Н. З. *Словообразование без образования слов? В кн.: Н. З. Котелова. Избранные работы*. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 244–253.

- Никифорова 2008 — Никифорова Е. Б. *Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 48 с.
- Приемышева 2003 — Приемышева М. Н. Проблема семантической адаптации заимствованного слова в русском языке XIX в. В кн.: *Словарь русского языка XIX в. Проблемы, исследования, перспективы*. СПб.: Наука, 2003. С. 51–58.
- Рудова 2013 — Рудова С. С. Дискуссионные вопросы неологии о потенциальных словах. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013, 11 (29): в 2 ч. Ч. II: 160–163.
- Сорокин 1965 — Сорокин Ю. С. *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века*. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

Статья поступила в редакцию 6 июня 2020 г.
Статья рекомендована к печати 13 сентября 2021 г.

Yuliya G. Zakharova

Pacific State University,
68, ul. Karla Marksa, Khabarovsk, 680000, Russia
009687@pnu.edu.ru

The epistolary legacy of Russian writers as a source for the study of neology in the second half of the 19th century

For citation: Zakharova Yu. G. The epistolary legacy of Russian writers as a source for the study of neology in the second half of the 19th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (4): 713–735. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.405> (In Russian)

The article analyzes the evolutionary processes in Russian language during the second half of the 19th century on the basis of letters written by Turgenev, Dostoevsky, Leskov, and Chekhov. The signs are examined, which helps to determine the neological status of the lexemes. Special attention is paid to the metalanguage reflection as it provides information about a new word. Neologisms include both linguistic and speech units: Russian lexical neologisms, potential, occasional, borrowed vocabulary, and semantic derivatives. The content of the term *potential words* in relation to diachrony is specified: their main properties are the ability to eliminate lacunes in vocabulary, the nominative function, correspondence to linguistic word-formation types and the usual character of motivational connections. It is concluded that when determining the occasional status of a lexeme, it is necessary to take into account not only the violation of the laws of word formation, but the underderivability of meaning from the word-formation model. An important feature of a number of occasionalisms from the period studied is the reflection of general linguistic trends in them. Borrowed vocabulary is considered in the aspect of phonetic, graphical, morphological, derivational and semantic adaptation in the Russian language. The article also analyzes various types of semantic derivational processes in Russian and foreign vocabulary: figurative, hyper-hyponymic, deviation, and connotative.

Keywords: Russian language of the 19th century, neology, potential word, semantic derivation, epistolary text.

References

- Барышникова 2010 — Baryshnikova S. V. *Dictionaries of foreign words of the 19th century and the reflection of semantic adaptation of foreign vocabulary in them*. Abstract of Philol. cand. diss. Yuzhno-Sakhalinsk, 2010. 23 p. (In Russian)
- Быкова 1999 — Bykova G. V. *Lacunarity as a category of lexical systemology*. Thesis for Doctor of Philology. Voronezh, 1999. 368 p. (In Russian)
- Виноградов 1999 — Vinogradov V. V. *History of words*. Moscow: Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov RAN Publ., 1999. 1138 p. (In Russian)

- Захарова 2017 — Zakharova Yu. G. Metalinguistic reflection in the letters of Russian writers of the 19th century. *Russkii iazyk v shkole*. 2017, (7): 54–58. (In Russian)
- Земская 2010 — Zemskaya E. A. Literary norm and non-standard word formation. In: *Sovremennyi russkii iazyk: Sistema — norma — uzus*. Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow: Iazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. P. 207–253. (In Russian)
- Земская 2015 — Zemskaya E. A. *Language as an activity: morpheme, word, speech*. Solganik G. Ya. (chief ed.). 3rd ed., ster. Moscow: Flinta Publ., 2015. 896 p. (In Russian)
- Калиновская, Старовойтова 2016 — Kalinovskaia V. N., Starovoitova O. A. Dictionary of the Russian language of the 19th century as a historical and lexicological study of a new type. In: *Iazyk i metod: Russkii iazyk v issledovaniakh XXI veka*. Vol. 3: *Lingvisticheskii analiz na grani metodologicheskogo sryva*. Shumska D., Ozga K. (eds). Krakow: Jagiellonian University Publ., 2016. P. 35–42. (In Russian)
- Калиновская, Эзериня 2017 — Kalinovskaia V. N., Ezerinia S. A. Lexical semantics in the space of the “Dictionary of the Russian Language of the 19th century”. In: *Leksikologiya i leksikografiya slavyanskikh iazykov*. Chernysheva M. I. (ex. ed.). Moscow: LEKSRUS Publ., 2017. P. 543–555. (In Russian)
- Касьянова 2008 — Kas'yanova L. Yu. Current status and prospects for the development of neology. *Gumanitarnye issledovaniia*. 2008, 4 (28): 51–61. (In Russian)
- Касьянова 2009 — Kas'yanova L. Yu. *Cognitive-discursive problems of neologization in the Russian language of the late 20th — early 21st century*. Abstract of the thesis for D. Sc. in Philological Sciences. Astrakhan, 2009. 47 p. (In Russian)
- Котелова 2015 — Kotelova N. Z. Word formation without word formation? In: *Kotelova N. Z. Izbrannye raboty*. Rossiiskaia akademiia nauk, Institut lingvisticheskikh issledovaniy. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2015. P. 244–253. (In Russian)
- Никифорова 2008 — Nikiforova E. B. *Semantic evolution of the lexical system of the Russian language: trends, vectors, mechanisms*. Abstract of the thesis for D. Sc. in Philological Sciences. Volgograd, 2008. 48 p. (In Russian)
- Приемышева 2003 — Priemysheva M. N. The problem of semantic adaptation of the borrowed word in the XIX century Russian language. In: *Slovar' russkogo iazyka XIX veka. Problemy, issledovaniia, perspektivy*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. P. 51–58. (In Russian)
- Рудова 2013 — Rudova S. S. Discussion questions of neology about potential words. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, 11 (29): in 2 p. P. II: 160–163. (In Russian)
- Сорокин 1965 — Sorokin Iu. S. *The development of the vocabulary of Russian literary language: the 30–90s years of 19th century*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965. 565 p. (In Russian)

Received: June 6, 2020

Accepted: September 13, 2021